

«Роман — это зеркало, с которым идешь по большой дороге. То оно отражает лазурь небосвода, то грязные лужи и ухабы».

Стендаль

Роман А. А. Яшина «Женщина в человейнике» именно такое зеркало. В нем отразились вещи самые разнообразные. Романтичные переживания влюбленности и пошлые истории адюльтера, социологические и философские размышления о роли женщины в современном мире и гротескные (в духе Салтыкова-Щедрина) заметки о благотворительных акциях для малоимущих в... доме терпимости, этические советы женщинам, погружившимся в увлекательнейшую беседу на узком тротуаре, давать все-таки возможность пешеходам продвигаться по панели и житейские наблюдения за бытом маленьких и больших, полных и неполных семей. Впрочем, роман не о женщинах и не о семье.

Из книги А. А. Яшина читатель может почерпнуть ценные исторические сведения. Например, о строительстве КВЖД, о жизни офицеров-танкистов в годы войны, о послевоенном развитии наших городов и сел, о своеобразии взаимоотношений жителей советского областного центра в годы «застоя», о завихрениях «перестройки», о «лихих девяностых». Впрочем, роман не исторический.

А. А. Яшин пишет и о дне сегодняшнем, который, скорее всего, когда-нибудь тоже закавычат, придумав запоминающийся термин для обозначения наших надежд и разочарований, любви нашей и ненависти, горя и радости, одиночества и полигамии. Впрочем, роман не о современности, хотя и имеет подзаголовок «Роман одного дня».

Это, однако, не означает «нашего сегодняшнего дня». Это не означает «роман вторника» либо «роман последнего дня отпуска». А. А. Яшин написал книгу о том дне, который длится дольше века, для чего автору потребовался весь арсенал достижений современной литературы: и пастернаковский опыт, и художественные интенции Айтматова, и умение скользить по «потoku сознания», и, разумеется, собственные наработки. Для тех, кто не знает, сообщим, а другим напомним, что из-под пера создателя трех десятков книг и пяти сотен публикаций в периодике вышло уже несколько произведений, в которых крупные формы эпоса творчески переосмысливаются с позиций романиста первой четверти XXI века; эти формальные (в лучшем смысле слова) поиски, как нам представляется, чрезвычайно интересны с точки зрения методологии изучения актуальной словесности, и, возможно, ждут своего пытливого исследователя, который через них сумеет выявить своеобразие текущего момента в развитии отечественной беллетристики; мы же в данном случае об этих поисках имеем возможность именно что лишь напомнить.

II

«Идет человек, взвалив на себя это зеркало, а вы этого человека обвиняете в безнравственности! Его зеркало отражает грязь, а вы обвиняете зеркало!»

Стендаль

Сейчас модным стало различную художественную продукцию маркировать значками с возрастными ограничениями. Прощтампуют какую-нибудь раскраску обозна-

чением «7+», и умиротворенные родители («Нашему уже можно!») приобретают своему чаду полиграфическую продукцию (даром, что чадо тайком потягивает из отцовской пачки сигаретки).

Нам скажут, что это требование законодательства — клеймить соответствующим образом печатную продукцию. А мы ответим, что требования требованиями, однако печатники и маркетологи с условными обозначениями явно заигрались. Модно это стало, модно. И больше ничего. Иначе как объяснить маркировку «0+». Книга для месячного младенца? Для пионера? Пенсионера? Никакого смысла в подобном обозначении возраста читателя не имеется.

Но одно дело глупость как таковая (на латыни *glupost obiknovennaya*), а другое дело глупость вредная. Ведь сколько уже случаев отметила пресса, когда бдительные работники книжных магазинов не продают старшеклассникам книги с маркировкой «18+». И добро бы это было какое-нибудь бульварное чтиво, а то ведь классика! «Лолита» не доступна юношеству... Ну, допустим. А «Анна Каренина»? А «Преступление и наказание» как маркировать? Ведь роман Достоевского, если грубо и тупо проследить канву, — рассказ о студенте-убийце, поддерживающем проститутку и вводящем в заблуждение органы правопорядка. Причем рассказ-то сочувственный. Пожалуй, не лучший пример для молодежи. Не запретить ли? (Сюжетную линию, связанную со Свидригайловым, даже пересказывать не беремся, дабы записные охранители нравственности не привлекли нас к ответственности за соvrащение, рас- тление или... За что там еще?.. Был бы человек, как говорится, а статья найдется).

Но позвольте! Когда же читать глубокую литературу, как не в семнадцатилетнем возрасте? Когда же еще насытиться классикой, когда напитаться взрослым и серьезным отношением к жизни, к любви, противоположному полу?

Впрочем, оставим риторические вопросы и не менее риторические восклицания и вернемся к роману А. А. Яшина. Так вот, книгу «Женщина в челоуейнике» гражданина, не достигшему восемнадцатилетнего возраста, не продадут. Т.е. буква закона издателями соблюдена, тавро на теле тома выжжено.

Но ведь и этого может оказаться недостаточно! Вполне вероятно, что найдутся ревнителы морали, которые назовут «Женщину в челоуейнике» книгой безнравственной, а автора обвинят в распущенности.

«Вы обвиняете зеркало!» — воскликнем мы вслед за Стендалем. Приведите хотя бы один пример в современном мире, когда, подражая герою литературного произведения (литературного произведения, не блокбастера голливудского!), кто-либо совершил убийство. Кто-нибудь, добиваясь развода, указал причиной его прочтение «Крейцеровой сонаты»? Может быть, зафиксирован случай, когда некая девица призналась возлюбленному: «Я тебе изменила с Арменом Иосифовичем, потому что Наташа Ростова не была верна князю Андрею?»..

Не из книг научаются люди дурному. И Яшин плохому не научит. Он пытается разобраться: что происходит с обществом, с нами, с мужчинами и женщинами, в наступившем тысячелетии. И абсолютно прав романист, помещая в центр своего художественного исследования эпохи женскую фигуру. Это ведь тоже одна из традиций отечественной литературы.

Испокон веку повелось у нас, что отношением к женщине проверяется общество. Так, князя Петра помним мы по его Февронии. Державина знаем как певца Фелицы. «Луч света в темном царстве» — это Катерина. Муза Некрасова — крестьянка. Нравственную ценность революции ищет в горьковском романе «Мать» Ниловна. Солженицын заботится: как там живет-может на своем дворе Матрена? А у Распутина не старики — старухи воют в голос, прощаясь со своей (с нашей общей!) Матерой.

В романе «Женщина в челоуейнике» идет серьезный разговор о жизни, в которой чувственная сторона мало сказать присутствует — во многом определяет бытие от-

дельного человека, да и всего рода человеческого. И автор романа чувственную сторону бытия, мягко говоря, не игнорирует. А кто бы, задавшись целью написать книгу о женщине, не сказал бы о ее плотской красоте и манкости?! Хотя... В современном мире, пожалуй, следует сформулировать иначе: а какой настоящий мужчина, задавшись целью рассказать о женщине в современном мире, не упомянул бы о волшебстве ее волос, о магии ее взгляда, о притягательности ее форм?

За это Яшину спасибо следует сказать, а не порицать его. Впрочем, повторимся: уверены, что найдутся желающие поймать «хайп» на выходе новой книги и обвинить маститого автора в сексизме, гендерном шовинизме и в чем-нибудь еще из модного нынче наборчика «Юный толераст».

Не удивимся, если объявится дама предпенсионного возраста, которая обвинит писателя и ученого Яшина в харассменте полувековой давности... Но нет, довольно! И так уже много употребили мы отвратительных слов, которые, к сожалению, грязной пеной болтаются ныне на зыби моря русской речи: хайп, гендерный, предпенсионный... Даже как средство сатиры «харассмент» это уже перебор. Отправим по известному адресу все эти словечки вместе с теми, кто попкой-дураком повторяет их, не дав себе труда найти в родном языке выразительных средств.

Вернемся к писателю Яшину. Ему удалось нужные слова подобрать. Взявшись за откровенную, как раньше говаривали, тему, писателю удалось избежать как пошлости, так и деланой брутальности, удалось не скатиться в слюнявое сюсюканье, удалось избежать соблазна привлечь читателя, поманив его «клубничкой».

Скажите, а много ли сейчас найдется авторов, которые, приглашая читателя заглянуть в альков, не приглашают его при этом «полакомиться насчет клубнички»?

Ну, вот! Вы хором ответили: «Мало». Оттого-то и заводятся в нашем языке, подобно опарышам, «хайпы» с «харассментом», что мало желающих и имеющих возможность (в этом случае мы бы даже сказали так: имеющих потенцию) вести серьезный и прямой разговор об отношениях мужчины и женщины, не обходя молчанием, но и не вырывая из общего контекста телесную сторону их отношений.

И не забудьте при этом, что и о тех, кто такую потенцию имеет, подрастающее поколение не узнает: модная татуха «18+» стоит на обложке книги. Поэтому серьезного и прямого разговора с нашей молодежью об интимной стороне жизни (разговора, в равной степени нужного как парням, так и барышням) опять не получится. И узнает наше юношество о том, что называется «тайной двоих», либо от гопников из соседней подворотни, либо от все тех же толерастов, которые, воровато оглядываясь, с подозрительной щедростью раздают молодым людям упомянутые наборчики псевдонаучных, псевдосовременных, псевдолиберальных клише.

Поэтому повторим: писателю Яшину следует сказать спасибо уже за то, что он взвалил на себя зеркало своего романа и тащит его по ухабистой дороге нашей современности.

III

«Обвиняйте уж скорее большую дорогу с ее лужами, а еще того лучше — дорожного зрителя, который допускает, чтобы на дороге стояли лужи и скапливалась грязь».

Стендаль

И вот теперь есть смысл вернуться к вопросу, с которого начали: «О чем же новая книга Яшина?»

Не пытаясь дезавуировать основные послышки, изложенные в первой части настоящей статьи, завершив чтение романа, мы все-таки скажем, что он о любви.

Сюжет произведения развивается, если позволительно использовать это слово, нелинейно. Читатель стремительно переносится из одного временного пласта в другой, с легкостью перемещается между внезапно возникающими в повествовании географическими пунктами. Абсолютно разные друг другу персонажи вдруг оказываются чуть ли не вершителями судьбы кого-то из действующих лиц. Взаимосвязь биографий героев столь изощрена, что ее можно сравнить с сетью, в которой бьется рыбацкая добыча. Порой стоит отложить книгу в сторону, чтобы припомнить, кто кому кем приходится и о ком шла речь в предыдущих частях.

А когда восстановишь в памяти продуманные автором хитросплетения сюжетных линий, вдруг начинаешь понимать, что дело вовсе не в фэбуле, не в интриге, не в последовательности событий. Дело в чувствах. Дело в том, что автор любит своих персонажей.

Яшин искренне любит всех этих людей, так трудно живущих в своем небогатом, неказистом, невзрачном Тулуповске; живущих подчас, так сказать, назло врагам, на радость маме; а подчас, кажется, даже и себе самим назло. Живущих, поскольку это и есть дело человека на Земле — жить. Яшин же любит людей. Любит пьяных и трезвых, больных и здоровых, как говорится в ехидном народном присловье. Любит любых, потому что это — его люди. Наши люди. Свои.

А вслед за писателем и мы, читатели, принимаем и почитаем за своих его персонажей. Несчастливого бригадира Ле Хувя. Не вышедшего в генералы Егора Фомича. Ищущую счастья Лизу. Стервозную Светлану. Безнадежно влюбленного в Светлану узбека-дворника. Разбившего сдуру да спьяну свою машину полубандита...

Много их, неказистых, но свойских персонажей, на страницах густонаселенного романа А. Яшина. Персонажей сквозных и эпизодических, персонажей главных и второстепенных. Про них не скажешь: «Хорошие» либо: «Плохие». Так же, как сам себя затруднишься однозначно отнести к положительным или отрицательным. Ибо сложны люди. И жизнь их сложна. И нимб ни над кем не светится. Как, впрочем, и рога из черепа ни у кого не торчат.

И вот, казалось бы, простой секрет писателя — любить своих героев. Простой, но далеко не каждому доступный. Ибо сложно это — полюбить людей. Несовершенных. Порой срывающихся и падающих. Порой подличающих. Порой глуповатых. Порой некрасивых. Чтобы их полюбить, надо иметь и мудрость, и сострадание, и снисходительность. Безразличия только нельзя иметь писателю в душе, поскольку безразличный к людям литератор (даже небесталанный) превращается в холодного стилиста, отстраненного демонстратора мастерства. Это в лучшем случае. В худшем же вырывается в желчного мизантропа, в заносчивого ментора.

А писатель Яшин не таков. Он честен с читателем. Поэтому, как высказано выше, несправедливо обвинять его в безнравственности. Да и того (см. эпиграф), по чьему недогляду на нашем жизненном пути скапливается грязь и стоят лужи, Яшин тоже не обвиняет. Никаких фиг в кармане. Это уж мы, читатели, вольны делать выводы о том, кто превращает нашу российскую дорогу в символ безнадеги и есть ли надежда переломить печальную многовековую тенденцию.

Автор же «Женщины в человеинике» прямо говорит нам: неча не зеркало пенять. От ухабов никуда не деться, да не всякий в них попадет. А попав, не всякий в них разляжется, сладострастно упиваясь собственными неудачами. От дорожной грязи не спастись, да не любой изгваздается, как черт, ковыляя по нелегкому жизненному пути. И измазавшись, не любой побредет вперед неумытой чушкой.

Будем же помнить о личной ответственности каждого из нас за свою судьбу. За судьбу своей женщины. За судьбу своего человеиника.

*Игорь Карлов,
г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт*